

Феликс Маляренко

Оберег рыжего разбойника

Повесть-сказка

Феликс Маляренко
Оберег рыжего разбойника

Издательство "Руда"

2020

УДК 82-34 (02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Маляренко Ф. В.

Оберег рыжего разбойника / Ф. В. Маляренко — Издательство
"Руда", 2020

ISBN 978-5-6044143-9-2

Это приключенческая повесть-сказка. В ней ужасы перемежаются с лёгким юмором. Действие происходит в семнадцатом веке. Чтобы обрести свободу, главный герой вынужден ехать со своим барином в королевство Саксонию. Он случайно находит оберег рыжего разбойника, но потусторонняя нечисть, разбойники, шайтаны, Змей Горыныч, Кощей Бессмертный, ведьмы, колдуны пытаются отнять у него этот волшебный дар. Что из этого вышло, вы прочитаете на страницах книги. Предназначена для младшего и среднего школьного возраста.

УДК 82-34 (02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

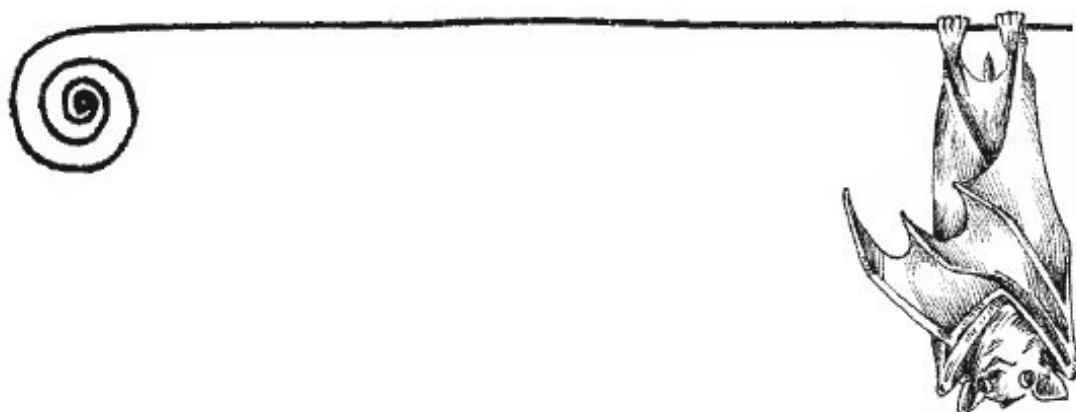
ISBN 978-5-6044143-9-2

© Маляренко Ф. В., 2020
© Издательство "Руда", 2020

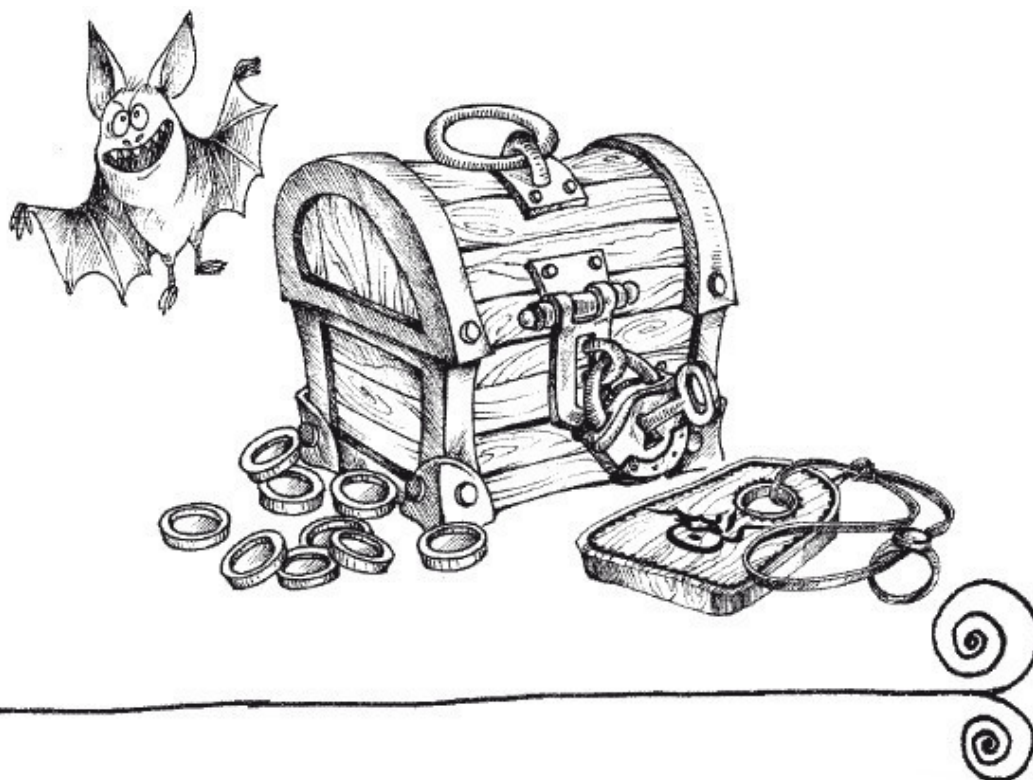
Содержание

Леший	6
Дурная весть	13
Барин	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Феликс Маляренко Оберег рыжего разбойника

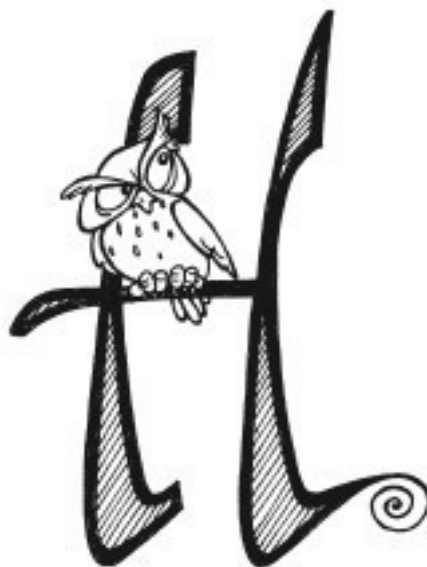

Иллюстрации Ирины Бордей

© Ф. Маляренко, 2020
© Издательство «Руда», 2020
© И. Бордей, иллюстрации, 2020

Леший

Начало сумерек кузнец Климушка только на берёзе узрел. На высоте в два его роста ещё было светло. Вниз же косою солнечный луч уж не пробивался. А промышлял он грибом чагой. И купцы не только длинного рубля на него не жалели, но и серебром одаривали.

А улов был богатый, заплечный мешок раздулся под завязь. Тем временем солнце торопилось сползти в алое марево, и Климушка на железных кошках споро сиганул к берёзовому корневищу. Здесь его ещё ждала полупудовая корзина-плетёнка. Надо было выйти из чащи раньше, чем дикий зверь начнёт охоту. А страшнее всего ночью повстречаться с нечистью. В последнее время она шалила безнаказанно. Сельчане пропадали в лесу, а если и возвращались, то седыми и немymi от страха.

Внизу было темно. Он протиснул левую кошку в мешок, а кожаный ремешок правой надел на запястье. Дорогу он знал и легко ориентировался. Днём – по мху и солнцу. Ночью – по звёздам. А ещё у него было чутьё. Он по неуловимому запаху жилья всегда чувствовал дорогу к дому. Сверху пугающе гроыхнул филин. Сбоку слышался волчий вой на луну. Она только вынырнула из-за облака. Он вздрогнул от дальнего рёва медведя, но понимал – бояться нельзя. Запах страха притягивает хищников.

Страшнее всего – рысь. От неё голову прикрывал капюшон. Его вязала Дуняша из грубой конопли. Только он мог уберечь от когтей огромной кошки.

Клим поднял голову. Он хотел встретиться глазами с ней: рысь спереди не нападала. Кузнец даже увидел блестящие пуговицы её холодных глаз: Клим хотел показать – я не устал и тебя не боюсь. Хитрое животное чувствовало усталость человека и нападало мгновенно. Кузнец был уверен – рысь его поняла.

На лесной окраине он неожиданно услышал странные тоскливые звуки из глубокого дупла в древнем дубе. Что-то жутковато-звериное и в тоже время жалобно-детское пробивалось сквозь плотную древесную кору. «Скорей всего, кто-то застрял в дупле...» – подумал кузнец.

Климушка узнал это в десять обхватов старое дерево, быстро сбросил мешок, прицепил к ногам кошки и поднялся к дуплу, на высоту конька крыши деревенской избы и, не раздумывая,

сунул руку в глубокое дупло. Оно уходило далеко вглубь дерева. И тут боль пронзила запястье: кто-то впился в него зубами и когтями сразу. Кузнец резко выдернул руку и с трудом вытащил наружу что-то похожее на мохнатого ребёнка. Но даже в темноте Клим различил: существо – зелёного цвета, пахнет мхом и необычайно мохнатое. Оно вцепилось в его руку зубами и острыми когтями.

– Да отстань, проклятое! – попытка смахнуть эту нечисть, но существо совсем не торопилось разжимать зубы и убирать когти.

– Спасибо, что спас моё дитё! – прогремел густой бас, и Клим увидел в мерцающем свете луны огромный мохнатый шар. Страх мгновенно проник в сердце. Встреча с лешим не предвещала ничего хорошего: либо неминуемая гибель, либо безумие.

– Да не бойся, ничего дурного не сделаю...

– Как же ничего дурного-то? Сколько народу тобой в прошлом и нынешнем годе загублено. Сколько безумных и юродивых по деревням-то... – попытка побороть в себе страх кузнец.

– Да просто так ничего не дается... – ухал филином леший. – Видно, ваш загубленный люд что-то непотребное в лесу сотворил, и за это был наказан. И что это ты о других печёшься? Сначала освободись от моего сына... Лешуня, прыг ко мне на руки!

Только после этого острозубый, когтистый, мохнатый, зелёный, с большую собаку, шар отцепился и полетел вниз: то ли в руки, то ли в лапы огромному, в стог сена, шарищу.

– Подойди ко мне и не бойся, руку поправлю! – ухал леший.

Климушка на кошках, как по лесенке, спустился вниз. Правда, цеплялся он только левой. Пальцы правой, из-за перекушенного зубастиком запястья, не шевелились. Большой стог подъехал, как на колёсах, и мягко взял саднящую от боли руку кузнеца в широченные ладони. Потом широко раздвинул рот, не различимый в зелени усов и бороды, и жарким дыханием обдал – сначала открытую ладонь, а потом перевернул её и снова обжёг. Боль в вечерней прохладе мгновенно растворилась, и сила воротилась к нему.

– Вот ведьма лесная, – продолжал леший, – подумаешь, мой волосатый репейник с её Баюном чуток позабавлялся. Ну потаскал кота за хвост. Ну подрал за уши, ну, усы из морды этой ожиревшей скотинки подёргал. Так зачем надо было так жестоко к чаду неразумному? В дупло моего лапоньку. Он там и повернуться не мог. От страха помер бы. Или Змей Горыныч сожрал бы милое дитяtko.

– А чо Змей Горыныч, этот трёхголовик мог лешон-ка слопать?

– А что ж не слопать? Думаешь, он одними царевнами, княжнами да красавицами питается? Это мы, лешие, народ постный. Всё травками да грибочками пробавляемся, а он у нас без разбору всё скоромное подьедает. И, бывает, падалью не брезгует. Волки кабана задерут. Так он, что останется, подьест. Это только в сказках он знатными девками потчует. Больно нужно, чтоб на него охоту объявляли. Пошлют войско, так ему не устоять. Где ж столько огня взять, чтоб тыщу стрельцов спалить. А у них ружья, пушки да мортиры. Нет, он хитёр. А тут взял дерево опалил, вот тебе и жаркое из мого Лешеньки-Алешеньки.

Услышав такие слова, зелёный моховой стожок заухал, да так заунывно, что у Климушки уши заложило.

– Уймись! Уймись, дитяtko неразумное! Зачем тебе надо было над Баюнчиком измываться-то? У него в усицах главна силища. Он поёт, а на них, как на гусях, музыку ведёт. Да таку, что любой мыш, заяц или селезень сразу в дрёму – брык. Вот из усопших или уснувших ведьма жаркое готовит. Тем и пируют.

– И мышью тоже?

– Нет, мыши норные и летучие у неё для лекарств от хвори да котуку на зиму пропитание. Не больно любит он по снегу за глухарчиком и тетёрками охотничать. Да и зимой усы отморозить – пустяковое дело. А мы с лешачком Алешенькой в спячку до весны, как медведи. Хороший он у меня, смиренный.

– Да, уж, смиренный! Зубищи, как у медведя, чай, руку чуть не отгрыз. И остры до неимоверности, будто кузнец камнем точил.

– Так, ещё раз повторю. Мы, лешие, народ не скоромной, а постный. Едим, что растёт. А грибы да ягоды когда идут-то? Вот с поздней осени и по лето корой да кореньями питаемся. А для них зубы надо иметь, как у бобра, заточенными. И расти ежечасно. А то к истиранию они, ой, как быстры. Вот почему от страха и вцепился в тебя зубищами и когтищами. И когти надобны, чтоб коренья из земли выгребать. Ну, как ручонка, вылечилась? Чувствуешь, силёнки добавилось. Давай вторую, тоже подкачаю!

Взял он левую ладонь кузнеца и также обдал горячим духом вяленых грибов. И Климушка почувствовал, что силы и во второй руке заметно прибавилось. Да и усталость куда-то делась.

– Спасибо тебе, леший! – поднял кулаки и сжал кузнец. – Я теперь, считай, богатырь.

– Я хоть и леший, но имя и отчество имею. Можешь Лексей Лексеевичем окликать.

– А я, так, Клим Климыч, – тут же представился кузнец и почувствовал: не боится он лешего. Не сделает тот ему ничего плохого.

– Так вот, Клим Климыч, наделю я тебя полезным умением. Даже не умением, а чутьём. Будешь видеть, што другие не смогут. Ты только волшебные слова произнеси. А они простые: «Лешик, Лексей Лексеич, подсоби!» – и называй, чем я тебе подсобить должен. И тут же то, што тебе надобно, хоть днём, хоть ночью чернющей засветится тусклым светом. Вот, попробуй, спроси.

Климушка тут же брякнул.

– Лешик, Лексей Лексеич, подсоби с грибочками красноголовиками! – оглянулся, а под деревьями сквозь траву и палые прошлогодние листочки просвечиваются оранжевыми головками грибы подосиновики на ослепительно-белых ножках.

– Ох ты, диво дивное! – удивился он. – Спасибо тебе, Лексей Лексеич!

– А ещё научу видеть угрозу, закрытую от человеческого взгляда. Вот смотри...

И тут глаза у Климушки расширились, и увидел он пять волков. Те скалились и смотрели на него жадным взглядом. И медведя, чей рык был слышен в стороне. И даже узрел недовольные глаза рыси. Как бы она не хотела, а Клим её обнаружил.

– Ну, бывай! – бросил негромко леший. Климущка оглянулся, а тот с лешачонком исчез, будто его здесь не было.

Собрал Клим немного грибков красноголовиков на жереху. Оглянулся, а темень – хоть глаз выколи. Грибы в земле светились, а в корзине – свет теряли. Луна куда-то закатилась, а жадная сила слизала с небосвода россыпь звёзд.

Климущка даже озадачился. Куда идти-то? Хоть он ни разу не плутал, а темнота, как во время казней египетских, загустела клюквенным киселём. И чтоб через неё пробиться, нужно было не просто идти, а ещё руками помогать – ветки да кусты с тропинки убирать. А хоть силищи в руках кузнеца от лешачьего дыхания прибавилось, да одна была корзиной занята. И тут кузнец вспомнил – леший его приговоркой одарил, и негромко произнес:

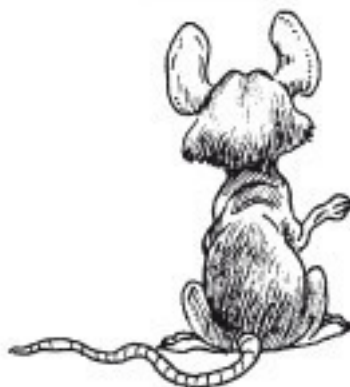
– Подсоби, лешик, Лексей Лексеич, тропинку-то отыскать! – оглянулся – никакого подсвета не видать. Он ещё раз повторил – то же самое. Неужто надурил волосатый? И всего-то волшебства на один разок хватило. А, может, порядок слов не тот?

Подумал Клим и произнес ещё раз и погромче:

– Подсоби, Лексей Лексеич, лешик! – и опять темно вокруг и тишина. И тогда он вспомнил – нужно обратиться вежливо:

– Лешик, Лексей Лексеич, пожалуйста, подсоби тропинку к дому сыскать! – и тут же перед ним на земле показался свет.

«Не обманул леший, не обманул...» – обрадовался кузнец. И быстрёхонько, почти бегом – ноги сами понесли без всякой усталости – направился к дому.

Дурная весть

Тропинка светила под ногами до самой деревни, а на околице – пропала. Да и какая-то грозная сила раздвинула тучи, выкатилась луна, и звёзды вновь рассыпались по небосводу от края до края. Климушка опознал свой с резными белесыми ставнями третий с околицы дом и поспешил к нему. У ворот, узнав его, залаяла собачонка Мошка. Налай словно откликнулись – захрюкали поросята и замычала корова Пеструня.

Клим отворил калитку и увидел при свете луны на крыльце свою молоденькую жену Дуняшу.

– Беда, Климушка, беда! – запричитала она с порога. – Нас хотят разлучить...

– Как это разлучить? Кто разлучить? – не понял он.

– Как кто? Новый барин...

– Он, что, поместье продать хочет?

– Не знаю. Он хочет ехать в Неметчину и забрать тебя с собой. А как же я?

– Какую Неметчину, да где она такая? – он не понимал, о чём речь. – И что ему у нас в лесах не сидится? И охота, и рыбалка, и земля богато родит.

– Вот пришёл нынче к нам во двор и говорит: «Климке твоему надобно ко мне в имение завтра утром явиться и пушай готовится в дорогу. Поедем в Неметчину. Я там на фройлен жениться хочу».

– Так его здесь-то никто больно не балует. А уж там, гляди-ка, все на него слетятся, как на лучину комары...

– Так он себя красавцем выставляет.

– Длинный и худой, как кочерга. А туда ж – на фройлен. А меня-то – по што?

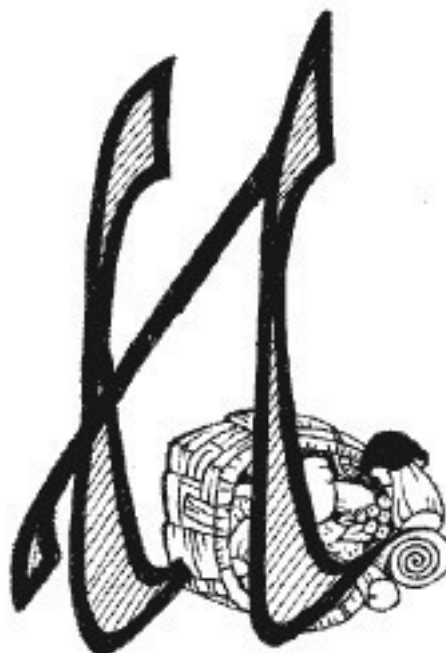
– Дак говорит мне: «Климка твой на все руки мастер и за кучера у меня на козлах будет, и за кузнеца, и телегу отремонтировать, и коня подковать. И за охран-щика в дороге от разбойников. И за повара, если оголодаю». «А я как?» – спрашиваю, а глаз от страха на него, ирода, поднять не могу. А он отвечает: «А, как и все. Ты девка крепостная, хочешь – жди, а хочешь – другого мужа сыщу. А беситься будешь, так и продам. Ты красная, видная, и за тебя хорошую цену дадут, а деньги мне, ой, как нужны, пока я себе красивую и богатую фройлен не сыщу. Да и кафтан, и сапоги, и шляпу с пером даром не дают. А мне наглядность вида нужна. И тогда фройлены на меня заглядываться будут и меж собой делить начнут»...

Опечалился Климучка, и хоть с утра во рту ни крошки не было, а Дуняша истомила в печи сутошные щи да кашу с репой напарила, есть от вести дурной не очень-то хотелось.

Да и рассказывать о сегодняшней встрече с нечистой не стал. Скажешь, так Дуняша, хоть и жена верная, и девка красная, а всё равно женского роду-племени. При случае сорвётся с языка, и тогда ходи, оправдывайся, дурачком прикидывайся. А то ещё скажут: с нечистой общаешься, и тогда все беды на тебя – и скотину потравят, и дом подожгут.

Барин

Идти рано к молодому барину Пегасу Поликарпычу не было никакого смысла. Он до поздней ночи либо пировал с молодыми барчуками, либо устраивал хоры с деревенскими девушками. Парни бренчали на балалайках, а барин управлял хором, широко размахивая руками, и запевал. А потом вместе водили хороводы, частенько плясал он впрысядку, забрасывая непомерно длинные руки за голову. Да и ноги барина были у лошади краденными. Эти худющие оглоблины несли непомерно маленькое тельце. Венчалось всё круглым рыжим конопатым горшком с тусклыми зелёными глазками.

Поэтому с утра Климушка убрался за коровами в хлеву и почистил у свиней. Те были бесконечно рады хозяину, хрюкали, визжали и тыкались в ноги горячими рылами.

Потом с тоской оглядел своё хозяйство и пыльной дорогой пошёл в барскую усадьбу на другую сторону деревни. После смерти матушки нынешнего барчука, а минуло всего-то два года, усадьба поражала неухоженностью. Траву во дворе и вокруг скосили в начале лета, и теперь она вновь повырастала, но было не до неё.

Окна не мыты, да и одноэтажный дом в пять крестьянских изб с одной стороны покосился и требовал ремонта. Но барину, видно было, не до этого. Да и не до хозяйства.

Раньше матушка назначала крестьянским дворам, что им надобно сдать в виде оброка. И учитывала возможности каждого. Кто мог извернуться, платил деньгами. У кого хорошо удавалась капуста, сдавал по осени свежей, а то и квашенной с клюквой и яблоками в бочонках. Кто – репой. А кто – грибочками. Кто – сыром, кто – свиньями и поросятами, а кто – и телёнком.

А молодому Пегасу Поликарпычу требовались только деньги: наряжаться да выезжать к помещикам на балы. А деньги не всякий крестьянин заработать мог. Так Пегас последнее забирал в оброк и продавал за бесценок. Многие хозяйства разорил и пустил по миру милостыню собирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.